

АЛЫЙ ОТРЯД МЕРТВЕЦОВ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ганс Белович

Алый отряд мертвецов

<https://litres.ru/74558232>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сигил, командир Алого отряда, привык выводить людей из самых безнадежных сражений. Но когда его сын Эдвард оказывается на краю гибели, отчаявшийся отец готов заплатить любую цену — и принимает предложение таинственного незнакомца.

Наутро весь отряд просыпается в телах мертвецов.

Они сохранили разум, память и главное — верность друг другу. Но для остального мира стали чудовищами. У них больше нет дома, прежней жизни и права надеяться на спасение. Они не чувствуют вкуса, не спят и не дышат, однако всё ещё способны любить, ненавидеть и сражаться.

Чтобы вернуть себе человеческий облик, Алому отряду предстоит пройти через разорённые земли и древние руины, столкнуться с теми, кто охотится на нежить, и раскрыть истинную цену сделки, заключённой ради спасения Эдварда.

Но проклятие началось задолго до той ночи.

И где-то рядом уже готовится новая сделка — та, что может оказаться страшнее смерти.

Содержание

Глава 1 Первое Дело	4
Глава 2 Мятежный форт	30
Глава 3 Убийца Драконов	46
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Ганс Белович

Алый отряд мертвецов

Глава 1 Первое Дело

Первое дело

Меня разбудил Фрин. Чёрный кот сидел у меня на груди и настойчиво бил лапой по щеке.

За плотным шатра серело утро. Над головой висела вчерашняя рубаша; отсыревший за ночь рукав касался виска. Я отодвинул его и попытался спихнуть кота.

— Отстань... Я уже жалею, что подобрал тебя.

Стоило мне натянуть одеяло до носа, как лапа снова нашла щёку. На этот раз с когтями.

— Да чтоб тебя...

Я открыл глаза. Кот смотрел на выход. Шерсть вдоль хребта поднялась острым гребнем, уши прижались к голове. Он зашипел, и я наконец убрал руку с одеяла. Обычно по утрам Фрина интересовало только одно: кто первым даст ему поесть.

— Ну что там?

Снаружи закричали:

— Да чтоб вас! Помогите мне!

Хлоя.

Я скинул кота с груди, сунул ноги в сапоги и схватил меч. Полог зацепился за плечо; я рванул ткань и выскочил наружу.

Возле коновязи билась лошадь. Колышек ходил ходуном в сырой земле, из-под копыт летели комья. Между шатрами мелькали низкие зелёные спины. У костра валялся перевёрнутый котёл, чёрный от многолетней копоти. Под сапогом хрустнули рассыпанные хлопья мирразёрна.

Гоблины.

Хлою тащили к деревьям. Один держал её за волосы, наматывая прядь на кулак; она вцепилась ему в запястье и била ногой по голени. Второй занёс тесак. Я добрался до него сбоку, прежде чем он успел опустить руку, и рубанул по короткой зелёной шее. Клинок встретил сопротивление. Гоблин хрипнул, повернулся ко мне с открытым ртом, и по подбородку у него потекла кровь. Я выдернул меч. Тело свалилось рядом с Хлоей; пальцы ещё скребли траву.

Тот, что держал Хлою за волосы, отпустил её и прыгнул на меня. Я вскинул левую ладонь. Мана отозвалась знакомым теплом в груди, потянулась через плечо к пальцам. С ладони сорвалось пламя. Гоблин завизжал, закрывая лицо. Я шагнул к нему и всадил клинок в живот. Он ухватился за мою штанину. Пришлось ударить ещё раз, и только тогда пальцы разжались.

Я отступил, но продолжал держать меч перед собой. Всё

произошло слишком близко. На поле после боя мёртвые уже лежали неподвижно, кровь успевала потемнеть и впитаться в землю. Можно было подумать, кому принадлежала отрубленная голова, и заранее присмотреть сапоги, которые ещёгодились в дело.

Сейчас кровь была тёплой. Я поднял остриё, и она потекла по желобку к гарде, добралась до пальцев. Гоблин лежал у моих ног с перекошенным ртом. Я зачем-то ждал, когда он его закроет.

— Эд!

Я обернулся. Хлоя сидела на земле, опираясь на ладонь. Волосы прилипли к лицу, от виска тянулась тонкая красная дорожка. Рассечённый рукав разошёлся почти до локтя; в прорехе белела кожа.

— Ты цел? — спросила она.

— Я?

— Ты.

— Да.

Она выдохнула, будто только этого и ждала, и посмотрела на собственную руку. Между пальцами разлился мягкий зеленоватый свет. Края пореза дрогнули и медленно сошлись. Хлоя держала ладонь ровно, хотя плечи у неё ещё ходили от дыхания.

Я присел рядом.

— Покажи голову.

— Со мной всё нормально.

— У тебя кровь.

— Я целительница, Эдвард.

— Целительнице долго придётся распутывать волосы.

Она посмотрела на меня. Уголок рта дрогнул.

— Не умничай мне тут. Лучше по сторонам смотри.

Хлоя коснулась виска. Между пальцами снова появился свет.

Позади хрустнуло. Даргин держал гоблина за загривок; ноги твари болтались над землёй. Он размахнулся и впечатал его головой в ствол. Сверху посыпались листья.

— Ещё один! — крикнули у коновязи.

— Уже нет! — отозвался Виктор.

Через несколько минут всё закончилось. Гоблинов насчитали восемь. До середины лагеря добрались трое, остальных перехватили возле привязи. У одного коня был порезан бок, в двух шатрах зияли прорехи. Половина завтрака лежала в траве, и по ней уже успели потоптаться.

Отец подошёл к Даргину. Тот вытирал руки пучком мокрой травы, стараясь вычистить кровь из-под ногтей.

— Как они прошли?

— Заснул. Мой проёб. Виноват, Сиг.

Сигил посмотрел на Хлоин рукав.

— Три дополнительных караула. Френсис, проверь подступы. Пока стоим здесь, по одному больше не дежури́м.

— Понял, — ответил Даргин.

Даргин пошёл к раненой лошади. Она дёрнулась, едва он

приблизился к порезанному боку, вывернула шею и чуть не сбила его плечом. Даргин обошёл её спереди, взял за недоуздок. Прижался лбом к её лбу и стоял так, пока дрожь не утихла. Хлоя подошла сбоку и осторожно положила ладонь возле раны. Лошадь вздрогнула; Даргин придержал недоуздок и что-то тихо пробормотал ей. Между пальцами Хлои разлился зелёный свет. Она медленно повела рукой вдоль пореза, и края раны начали сходиться. На слипшейся шерсти осталась кровь, но свежая больше не выступала. Я ждал привычной ругани. Даргин молчал, пока она работала.

— Повесить бы тебя на дереве, — сказал Френсис, проходя мимо.

— За ноги, — добавил Виктор. — Чтобы кровь к голове прилиwała.

Даргин поднял глаза.

— Нарываетесь, бляди? Попиздите мне тут.

Лошадь понемногу успокаивалась; он придержал недоуздок и только проводил обоих тяжёлым взглядом.

Лагерь мы разбили в лесной ложбине, подальше от больших дорог. После нескольких дней пути отец дал нам отдохнуть. Теперь между деревьями снова таскали жерди, растягивали порезанное полотно, собирали из травы всё, что ещё годилось в пищу. Над низкими ветвями расстился дым. Солнце едва добралось до верхушек, а внизу земля оставалась тёмной и мокрой; стоило задеть куст, как вода забира-

лась за ворот.

Варик с Ворицом снова колотили что-то у походной кузни. Удары молотов отдавались между деревьями; в промежутках братья спорили из-за пропавших клещей. Амер осматривал лошадей, Френсис проверял подступы. Играса вернула котёл на огонь и принялась разделявать лютокролика. Серую шкурку она расправила на коленях и велела не выбрасывать: из неё ещё выйдут рукавицы.

От кузни тянуло углём и гарью. У костра пахло сладковатой кашей. Ветер пригибал дым к земле.

Фрин устроился у моей палатки и вылизывал лапу. Хлоя, закончив с лошадьёу, присела и почесала его за ухом. Кот вытянул шею, зажмурился. Вот же наглая тварь: с гоблинами дрался я, а гладили его. Впрочем, без него я бы так всё и проспал. Я подошёл и тоже провёл ладонью по чёрной голове.

— Спасибо, приятель. Похоже, свою пайку ты всё-таки отработываешь.

— Может, его в караул вместо Даргина ставить? — сказала Хлоя.

Она подняла на меня зеленоватые глаза. Крови на лице уже не было, у виска осталась тонкая розовая полоска. Я задержал на ней взгляд дольше, чем следовало.

— Эдвард, тебе ещё травы перебирать. А ну-ка не филонь.

— Сейчас. Только отблагодарю нашего великого спасителя.

Я бросил Фрину кусочек сушёного мяса. Кот поймал его

на лету.

— Заслужил.

Хлоя протянула мне ящик.

— Белые прожилки отдельно. Красные края — в другую связку. Не перепутай.

Я устроился у костра. Листья отсырели и прилипали друг к другу; приходилось расправлять каждый, переворачивать к свету. От надломленных стеблей пахло терпко, пальцы быстро позеленели. Названий половины трав я не помнил, но прожилки различал. Однажды уже смешал эти сборы, и Хлоя полчаса объясняла, почему из-за моей невнимательности кого-нибудь может пронести до смерти. С тех пор смотрел внимательнее.

Её поручения я вообще выполнял охотнее остальных. Иногда после них можно было услышать: «Молодец, Эд». Этого хватало, чтобы полдня ходить довольным. У костра Хлоя всё время оказывалась поблизости — то брала готовую связку, то возвращалась за мешочком. Всякий раз можно было что-нибудь сказать. Обычно я успевал только подать то, за чем она пришла.

Потом нужно было отнести уголь к кузне и проверить лошадей. Работы мне всегда хватало. На настоящий бой отец брал остальных, а меня отправлял следом: собирать оружие, снимать с мёртвых всё, что ещё можно продать. Иногда среди них попадались те, кто дышал. Я уже знал, что делать с такими.

Сегодня я спас Хлою. Через полчаса снова сидел над ящиком с травой.

Над деревьями крикнул ястреб. Птица мелькнула между ветвями, прошла низко над шатрами и села отцу на перчатку. Сигил снял с её лапы металлическую трубку. Пока он читал, я разобрал ещё две связки. Третью бросил обратно: отец вернулся к началу письма, разгладил большим пальцем край и поднял голову.

— Собрать всех.

Молот Варика застыл в воздухе. Френсис, уже вернувшийся с обхода, оборвал разговор с Аланом. Я встал раньше, чем Хлоя успела забрать у меня травы.

Все собирались возле костра. Кто-то доедал на ходу, кто-то вытирал с рук уголь. Отец стоял перед нами с развёрнутым письмом. Алый плащ был переброшен через плечо, нижний край потемнел от росы.

— Для нас есть дело.

Разговоры стихли.

— На востоке подняли мятеж. Один из местных лордов отказался признать власть короны, выгнал людей герцога и заперся со своими сторонниками в форте у побережья. Герцог участвует в подавлении мятежа и попросил нас присоединиться.

Френсис скрестил руки на груди.

— Пойдём как мясо?

— Нет. В авангард нас не поставят, это в письме сказано прямо. Нужна небольшая группа и как минимум двое, способных работать с огнём.

Я перестал тереть испачканные травами пальцы. Лучше всех огнём управлялся Дуглас, но отец несколько дней назад отправил его с поручением. Сигил и сам мог поджечь дерево, масло или смолу; для чего-нибудь сложнее обычно требовался Дуглас.

Отец свернул письмо.

— Эдвард.

Я невольно выпрямился.

— Дуглас нас не догонит. Поедешь вместо него.

— Я?

— Ты. Хотя мне это и не нравится.

Сигил повернулся к Виктору:

— Присмотри за ним. Нужен огонь — работает. Без команды ничего не устраивает.

— Сам объясню.

Я кивнул, едва удержав улыбку. На этот раз меня брали не для того, чтобы собирать оружие после боя.

— Со мной идут Эдвард, Даргин, Алан, Виктор и Хлоя,
— продолжил отец. — Остальные остаются здесь.

По кругу прокатилось недовольное ворчание. Френсис закатил глаза.

— Особенно ты, Френсис.

— Я же тут от скуки умру, Сигил.

— Зато будет весело, когда мы вернёмся, а лагерь сожрут мраколисы.

Френсис перестал улыбаться.

— Осенью твари начинают мигрировать, — сказал Сигил.
— А вокруг война. Зверьё уходит от шума артиллерии, крови и скопления маны. Где армия — там мана. Где её слишком много, всегда появляется беда. Обоз и лошадей оставлять без охраны не станем. Вернёмся через два дня. Максимум через три.

Хлоя уже собиралась отойти, когда отец остановил её:

— Возьми камень переноса. Сними отпечаток маны с каждого, кто едет.

— Сделаю.

— Если всё понятно...

Сигил положил письмо на ящик и вынул из ножен меч.

Я сначала решил, что он собирается что-то показать. Но клинок был новый: прямой, без зазубрин, с добротной гардой и туго обтянутой тёмной кожей рукоятью. Единственным украшением был маленький стальной череп на навершии. Работу нашего ювелира Стелфи я узнал сразу.

Отец протянул меч рукоятью вперёд.

— С днём рождения, Эд.

Вот так просто. Шестнадцать.

Я взял оружие. Холодная гарда коснулась большого пальца; клинок чуть потянул руку вниз, и я поправил хват. Хотелось сразу попробовать замах, но вокруг стояли люди, по-

этому я только повернул сталь к свету. В ней дрогнуло пламя костра.

— Ты думал, мы забыли? — усмехнулся Виктор.

Он достал кожаную перчатку. На тыльной стороне была вырезана руна бога огня Нифера, в её бороздах темнел красноватый порошок.

— От меня.

Я убрал меч в ножны, взял перчатку и провёл пальцем по знаку. Кожа пахла свежей выделкой; нитки вдоль шва были ещё светлыми.

— Она поможет быстрее преобразовывать ману и собирать её в ладони, — объяснил Виктор. — Чуда не жди. Если сам ничего не умеешь, перчатка за тебя огонь не создаст.

Стелфи тут же взял меня за запястье. Его подарок оказался узким браслетом. Ювелир застегнул его на левой руке, велел надеть перчатку и дважды согнуть кисть. Я дёрнулся поблагодарить всех сразу; он удержал руку, пока не убедился, что замок не мешает.

— Спасибо, — сказал я, когда он наконец отпустил.

— По возвращении устроим пир, — пообещала Играса. — Небольшой. Если Даргин снова не сожрёт половину запасов по дороге.

— А ну-ка не пизди.

— Пока спать будешь, задушу тебя хвостом.

— А ведь реально задушит, — сказал я.

— У, бля... — Даргин покосился на хвост и на всякий

случай отодвинулся.

Хлоя подошла последней. В маленькой поясной сумке, которую она мне протянула, звякнуло стекло. Под клапаном лежали три флакона с голубоватой жидкостью, аккуратно разделённые складками ткани. Я поднял один к свету; жидкость медленно качнулась у горлышка.

— Зелья маны, — сказала Хлоя. — Только не пей все сразу.

— Я не идиот.

Она посмотрела на меня.

— Поэтому и предупреждаю.

Я бережно уложил флакон обратно и застегнул сумку. Всё хотелось делать поскорее: пристегнуть ножны, седлать коня, уехать, пока отец не передумал. Сегодня мне было куда ехать.

— Праздник придётся немного отложить, — сказал Сигил.

— Ничего.

Я попытался ответить спокойно. Кажется, получилось плохо.

Камень переноса Хлоя положила на деревянный ящик возле повозки. С виду — обычный тёмный булыжник, слегка приплюснутый с одной стороны. По поверхности ветвились тонкие голубые линии, словно замёрзшие молнии.

— По очереди, — сказала она.

Я подошёл одним из первых, придерживая новые ножны. На старом ремне они сидели непривычно, всё норовили уйти за бедро.

— Клади руку. Стой...

— Что?

Хлоя шагнула ближе.

— Эдвард, ты как маленький. Ремень набекрень.

Прежде чем я успел возразить, она взялась за мой пояс. Рядом с её виском выбились из причёски короткие волосы; от волос пахло сушёными травами и дымом. Я не шевелился. Хлоя подтянула ремень, сдвинула ножны, на мгновение коснулась пальцами моего бока — и отступила.

— Вот. Теперь хотя бы оружие не потеряешь.

Лицо горело сильнее, чем ладонь после тренировки с огнём. Я приложил руку к камню. Он холодил кожу даже через перчатку. Голубые прожилки вспыхнули, собрались под ладонью мелкой сеткой, затем свет ушёл внутрь.

— Всё, — сказала Хлоя.

— Хорошо.

Я отошёл, надеясь, что никто ничего не заметил. Френсис заметил. Судя по ухмылке — абсолютно всё.

— Отставить бабские чулки. Меч лучше баб.

— Напомню тебе возле следующего борделя с дешевыми шляхами. Я как-то слышал в трактире, что у одного в таком хуй отвалился.

— Готов поспорить, ты даже не знаешь, куда там и что вставлять, малой.

— Бросить разговоры о хуях! — рявкнул отец от коновязи.

Френсис вздохнул, будто ему поручили разгрузить обоз в одиночку.

Мы вышли на свободное место между палатками. Земля здесь была утоптана десятками сапог, трава почти исчезла. Френсис протянул мне тренировочный меч. Обмотка потемнела от ладоней, на гарде цеплялась за палец старая заусеница.

— Давай, именинник.

Первые выпады прошли нормально. Френсис двигался почти лениво. Казалось, он всё время опаздывает на полшага — пока я не ошибался. Тогда его клинок мгновенно оказывался там, где мне меньше всего хотелось его видеть.

— Ноги, Эд. Снова только руками работаешь.

Я перестроился, отвёл его меч и попробовал зайти сбоку. Краем глаза заметил Хлою: она стояла возле повозки с Играсой и Элизой. Смотрела, конечно, на нас. Френсис, поддайся. Один раз. Хотя бы один красивый выпад.

Я резко шагнул вперёд. Френсис ушёл в сторону, поставил ногу и толкнул меня в плечо. Я рухнул в грязь, выбив из груди воздух. Холодная вода сразу пропитала штаны.

— За противником следи. Не за зрителями.

Сзади засмеялись. Я уставился на протянутую руку. Хотел

впечатлитель. Впечатлил.

— Поднимайся.

Отец окликнул нас от лошадей. Я отдал меч и принялся счищать грязь со спины.

Из лагеря выехали шестеро. Сигил впереди, Даргин с Ала-ном и Хлоей за ним; мы с Виктором замыкали колонну. Голоса быстро затихли за деревьями. Некоторое время ещё доносился звон молотов, потом и его заглушил мерный стук копыт.

Дорога шла по низине. В колеях лежали бурые листья, под ними блестела вода; лошади ступали осторожно, выбирая сухие полосы. Между стволами тянулся редкий туман. Выше, куда добиралось солнце, он уже расходился, и на мокрых ветвях вспыхивали капли. От седла поднималось лошадиное тепло. Я расправил плечи, устроил ножны так, чтобы не били по сапогу, и впервые за утро позволил себе просто смотреть по сторонам.

На развилке пришлось пропустить повозку с углём. Возница привстал на козлах и прикрикнул на лошадь. Пока колесо с чавканьем выбиралось из колеи, Виктор поравнялся со мной и посмотрел на перчатку.

— Ну что, именинник, опробовал подарок?

— Ещё нет.

— Тогда самое время.

Я кивнул на лошадь.

— А она?

— Если подожжёшь собственную лошадь, вернёшься в лагерь таскать припасы. Давай. Только маленькое пламя.

Я перехватил поводья правой рукой и поднял левую. Ладонь ещё немного саднила после утренней вспышки. Я собрал ману, дал ей пройти к ладони. Над пальцами дрогнул огонёк, а в прорезях руны проступил красноватый свет.

Лошадь дёрнула ухом и повела головой. Я напрягся.

— Спокойно, — сказал Виктор. — И ты, и она.

Я расслабил плечо и поднял ладонь повыше. Ветер пригнул пламя к запястью, вытянул его тонким языком.

— Не расправляй силой. Дай ему наклониться.

Я ослабил поток. Огонь удержался. Его край трепал ветер, зато у самой ладони пламя оставалось ровным, и мне захотелось проехать так до следующего поворота. Виктор всё ещё смотрел. Пусть бы увидел, что меня не зря взяли.

Скоро пальцы закололо. Ощущение было знакомым. Я слегка разжал их, но покалывание осталось; под перчаткой собирался жар. Можно было погасить огонь. Только тогда Виктор наверняка сказал бы, что на сегодня хватит.

Я подождал ещё немного.

— Гаси.

— Я могу...

— Гаси.

Пламя исчезло. Воздух над ладонью ещё дрожал от тепла, и я несколько раз сжал и разжал пальцы.

— Не преобразуй слишком много. Магия — это баланс. Тело уже начало предупреждать тебя.

Я пожал плечами. Тон Виктора раздражал больше, чем боль: словно до этого у меня ничего не получалось, а он только и ждал ошибки.

Наставник указал на ладонь.

— Жжёт — гаси. Не жди моего разрешения.

Я потёр пальцы о край седла. Хотел спросить, правильно ли держал поток, но передумал.

— Несколько минут удерживать пламя, да ещё и в седле, — уже неплохо, Эд, — добавил Виктор. — Некоторые в твоём возрасте и половины этого не могут. Только не старайся держать огонь подольше. Сейчас отрабатывай другое: создал, выплеснул, погасил.

Я осторожно оттянул перчатку от кожи. Жар понемногу отпускал.

— А зелья?

— Зелья притянут поток и ускорят преобразование. Но руку от перегрузки не уберегут. Почувствовал, что жжёт, — останавливайся, что бы ты ни выпил перед этим.

На следующем ровном участке, когда пальцы перестало жечь, я попробовал снова. Создал маленькое пламя и выплеснул его над сырой канавой. Огонь на миг осветил мокрую траву и погас, не коснувшись земли.

Виктор кивнул. На этот раз мне хватило и этого.

— И помни, Эд: пока я рядом, много огня тебе не нужно.

Бросишь язык пламени — я подхватчу его воздухом и раздую. Незачем тебе одному надрываться, когда можно сработать вдвоём.

— Понял, Вик.

К вечеру дорогу заняли обозы. Сначала мы обогнали несколько телег с мешками. Потом навстречу потянулась пехота, и пришлось долго стоять у обочины, пропуская ряды копий. У многих солдат к поясам были привязаны котелки; они ударялись о ножны в такт шагам. Люди шли молча, глядя в затылок впереди идущему. Один на ходу жевал хлеб, спрятав его от сырости под полу куртки.

Дальше везли ядра. От тяжести колёса глубоко садились в землю, и возницы уже не выбирали слов, погоняя уставших лошадей. Крестьяне гнали скот в другую сторону. Стадо сбилось у развилки, между телегами застряла корова; мальчишка бил её прутом и сам вздрагивал всякий раз, когда над лесом прокатывался глухой грохот.

— Пушки? — спросил я.

Виктор кивнул.

Лес редел. Между стволами пополз дым, за ним показались первые шатры. Я решил, что мы уже приехали, но дорога всё вела дальше, мимо новых коновязей, костров и нагруженных повозок. Только на вершине невысокого подъёма удалось увидеть лагерь целиком.

Он занимал равнину до дальних склонов. Над полотня-

ными крышами торчали длинные плечи требушетов, похожие на виселицы для великанов. Между палатками ползли телеги, двигались люди с мешками, вёдрами, жердями. Ветер прижимал дым к земле, и временами целый ряд шатров исчезал, оставляя над собой только знамёна и наконечники копий.

У пушек маги земли укрепляли позиции. Под их ладонями медленно поднимался грунт; солдаты сразу укладывали на него доски и подавали тяжёлое колесо вперёд. Возле расчётов лежали груды каменных ядер, от походных кузниц непрерывно доносился звон.

Я оглянулся на наших. Ещё утром мне казалось, что у Алого отряда есть всё необходимое для войны. Здесь мимо одного котла проходило больше людей, чем жило в нашем лагере. И никто из них не смотрел, как у меня сидит новый меч.

У въезда нас остановили часовые. Один подошёл ближе, осмотрел оружие, задержался взглядом на алом плаще отца.

— Сигил?

— Он самый.

Солдат отступил и махнул копьём в сторону прохода.

— Проезжайте. Вас ждут.

Мы въехали в шум: скрип осей, лошадиное ржание, удары молотов. Из большого котла возле прохода тянуло варёным мясом; за ним пахло навозом и мокрой соломой.

Лошадей оставили у коновязей. До шатра герцога нужно было пройти через половину лагеря, обходя телеги и людей с вёдрами. Алый плащ отца мелькал между чужими плечами; я старался не отставать.

Белые шатры стояли немного в стороне. Почти чистые среди копоти, потемневшего полотна и вытоптанной земли. На длинных полотнищах была раскрытая ладонь с кругом в середине, окружённая языками пламени. Проход рядом оставался свободным, хотя на соседней дорожке двое возниц уже ругались из-за того, кто кому должен уступить.

Чистильщики.

Я слышал о них разное: кто-то называл святыми, кто-то — безумцами. Здесь люди отворачивались от белого знака и прибавляли шаг.

Возле одного входа сидел мужчина лет сорока, раздетый до пояса. Нагрудник лежал на земле, рубаха была перекинута через колено. Мужчина сложил ладони перед грудью и тихо молился. Я замедлил шаг.

От ключицы к шее у него тянулись серые полосы. Сначала я принял их за шрамы, но, подойдя ближе, увидел, что кожа там сделалась плотной и бугристой, словно под ней прорастал камень. Корка захватила край подбородка и щёку. При вдохе грудь поднималась, а серые участки почти не двигались, стягивая живую кожу вокруг.

Он закончил молитву, разжал ладони и посмотрел на меня.

— Первый раз видишь?

— Что?

— Чистильщика.

Остальные уже прошли вперёд. Я мог бы догнать их, но всё смотрел на место, где каменная корка доходила до горла.

— Первый.

— Потому и уставился.

Он усмехнулся. Одна сторона рта поднялась чуть выше другой.

— Вам не больно?

— Больно.

Ответ прозвучал спокойно, словно я спросил, холодно ли ему. Я посмотрел на его руки: обломанный ноготь, старая мозоль у большого пальца. Такими же руками я сам держал меч.

— Тогда зачем?

Чистильщик провёл ладонью по лицу и задержал пальцы на каменной щеке.

— Многие считают нас безумными фанатиками. Может, некоторые такие и есть.

Он поднялся. Не сразу: сперва упёрся ладонью в колено, выпрямил спину, переждал короткий вдох. Потом потянулся за рубахой.

— Но я прекрасно понимаю, что делаю.

— Вы можете умереть.

— Скорее всего, скоро.

Я не нашёл, что ответить. Мужчина расправил рубаху, продел руку в рукав и посмотрел на меня поверх ткани.

— У меня трое детей, парень. И двое внуков.

Рубаха легла на грудь неровно. Он потянул ворот, освобождая место возле серых наростов.

— Сейчас они живут на земле моего господина. После моей смерти получают свободу. Старшему дадут участок. Если младший проявит талант к мане — возьмут учиться. Может, станет магом. Может, кого-нибудь из внуков когда-нибудь возьмут оруженосцем.

Он справился с завязкой и опустил руки.

— Так что для меня это хорошая сделка.

Я снова посмотрел на серую кромку под воротом.

— Вы меняете свою жизнь на их будущее?

Чистильщик усмехнулся, теперь совсем слабо.

— А разве отцы не этим занимаются?

Я оглянулся. За людьми с носилками виднелся алый плащ Сигила; отец остановился у следующего ряда шатров и искал меня взглядом. Когда заметил, поднял руку.

— Эдвард!

— Иду!

Я повернулся к Чистильщику.

— Удачи завтра.

— Она мне пригодится.

Он наклонился за нагрудником, а я поспешил догонять остальных. На ходу ослабил ремешок перчатки: кожа тёрла

обожжённую ладонь.

Перед герцогским шатром стояли четыре стражника. Маленькие вымпелы на копьях хлопали на ветру, сапоги глубоко увязли в растоптанной земле. Один поднял полог, пропуская нас. Сразу стало теплее. Запах мокрой шерсти смешивался с воском и дымом жаровни; после наружного шума голоса внутри казались непривычно тихими.

Вокруг длинного стола теснились офицеры. Кто-то так и не снял нагрудник. Другой положил перчатки на край карты и растирал побелевшие пальцы. Усталые лица, красные глаза; возле лампы остывала нетронутая кружка.

Карту придавили камешками и деревянными фигурками. Восточный участок стены несколько раз обвели углём, так что берег под ним едва просматривался. Край листа у ближайшего офицера протёрся почти до дыр. На нём снова и снова сходились чужие пальцы.

Герцог поднял голову. Выглядел он не лучше остальных.

— Сигил.

Отец слегка поклонился.

— Ваша светлость.

— Оставим формальности. Хорошо, что успел.

Он подозвал нас к столу. Я встал за отцовским плечом, откуда можно было разглядеть гавань. Возле нарисованного пирса теснились маленькие деревянные корабли; у одного была отломана мачта.

— Наш общий друг Прифий поручился за тебя, поэтому говорить буду прямо. В письме я не стал описывать задачу. Слишком много ястребов в последнее время не долетает до адресатов.

— Разумно.

Герцог поставил палец на обведённую стену.

— Утром начнётся основной штурм. Пушки и маги ударят сюда, гарнизон стянут к стенам. Вы пройдёте вдоль берега и сожжёте корабли.

— Сколько их? — спросил Сигил.

— Три боевых, ещё несколько транспортных. На пирсе хранятся бочки со смолой и маслом. Доберётесь до них — дальше огонь сделает всё сам.

Я посмотрел на свою перчатку. Поджечь канат, бочку, сухую парусину — с этим я справлюсь. Создал, выплеснул, погасил. Пока герцог говорил, я уже выбирал на карте, к какому кораблю подойти первым.

— Охрана? — спросил отец.

— Обычно тридцать-сорок человек. Во время штурма останется десяток, может, немного больше.

— А если нет?

Герцог убрал руку с карты и посмотрел на него.

— Тогда у них будет меньше людей на стенах. Мои командиры умеют пользоваться такими ошибками.

Сигил не ответил сразу. Наклонился над картой, проследил вдоль берега и остановил палец у основания стены.

— Как попадём внутрь?

— Здесь вас встретит мой человек. Он покажет проход.

— Работа легче некуда, — сказал Даргин. — Зашли. Подождгли. Вышли.

Отец даже не обернулся.

— Цена?

— Две тысячи. После выполнения.

Герцог устало провёл ладонью по лицу.

— Я сегодня не в настроении торговаться. Поэтому сразу называю нормальную сумму.

— Две тысячи и стоимость камня переноса, если придётся его использовать, — сказал отец.

— Идёт.

Герцог кивнул писарю. Тот подвинул чернильницу, развернул чистый лист. Пока перо царапало бумагу, отец уточнял путь. От лагеря предстояло спуститься к морю и идти вдоль берега до встречи с лазутчиком. Коней оставляли здесь: возле форта ни спрятать их, ни привязать без риска.

Я старался запоминать повороты вместе с отцом, хотя палец герцога то и дело закрывал нужное место. Когда писарь закончил, Сигил прочёл написанное и попросил печать. Лишь после этого сложил договор, убрал за пазуху и протянул руку. Герцог пожал её.

— Просто сжечь? — переспросил Сигил.

— Только после начала штурма. Ни минутой раньше. Пока форт спокоен, первый же пожар поднимет весь гарнизон.

Когда заговорят пушки и люди побегут на стены — тогда действуйте.

Отец кивнул.

— Принято.

Герцог передвинул один из корабликов, освобождая узкую полосу берега. Десяток караульных, наш человек внутри, бочки со смолой. Отец уточнял обратный путь. А я смотрел на деревянные корабли и представлял, как буду выполнять контракт за контрактом — наравне с остальными.

Глава 2 Мятежный форт

К морю мы вышли затемно. Лошади остались в королевском лагере; дальше предстояло идти пешком вдоль берега.

Перед уходом я видел, как пушечные расчёты катили к позициям ядра и таскали мешки с порохом. Маги земли укрепляли размокшую почву: под их ладонями грунт твердел, возле колёс поднимались низкие каменные упоры. У орудий ждали огневики. Искры ещё не было ни одной. Теперь от первого залпа зависело, когда мы сможем выйти из укрытия и поджечь корабли.

Море было почти чёрным. Волны накатывали на мокрый песок, разбивались о камни и оставляли в темноте полосы белой пены. Слева над нами поднимался утёс, а на нём чернели стены мятежного форта. В нескольких бойницах горели фонари. Издалека огоньки казались спокойными, почти домашними. Мне от этого стало только неуютнее.

Мы шли у самой воды, держась в тени скалы. Иногда волна добиралась до сапог. Солёные брызги оседали на лице, ветер тянул за плащ. Наверху проходили караульные; их шагов я не слышал, только замечал, как фигура на мгновение закрывала свет фонаря.

Я старался ступать след в след за отцом. Ножны всё равно стукнули о камень. Сигил обернулся, и я прижал их к бедру.

Трое солдат вышли из-за выступа скалы почти прямо на

нас. На короткое мгновение мы просто уставились друг на друга. Первый мятежник открыл рот. Даргин оказался возле него раньше, чем тот успел закричать. Ударил плечом, вжал спиной в камень; в другой руке коротко блеснул кинжал. Алан метнулся ко второму. Третий рванулся за мечом, но отец уже был рядом.

Я только вытащил клинок, когда всё закончилось. Море снова стало самым громким звуком вокруг.

Мы оттащили тела в узкую расселину между камнями. Даргин забросал их мокрыми водорослями и обломками плавника. Один сапог всё равно торчал наружу; Алан молча пнул его глубже в щель.

«Им просто не повезло», — подумал я. Вышли из-за скалы на несколько секунд раньше — и умерли.

— Хуёво, — тихо сказал Даргин. — Заметят, что их нет.

— Скажем лазутчику, — ответил отец. — Идём.

Он задержался рядом со мной, когда остальные двинулись дальше.

— Эд. Ты сегодня на подхвате. Если что-то случится — не лезь вперёд.

— Понял. Буду прикрывать спины. Полезу, только если понадобится.

Отец несколько мгновений смотрел на меня. В темноте его лицо почти не читалось, но я и без того знал этот взгляд.

— Именно прикрывать. Не геройствовать.

— Да понял я.

Он пошёл дальше. Я выдохнул через нос и поправил ремень новых ножен. Шестнадцать лет, настоящее дело, новый меч — а отец всё равно разговаривал со мной так, будто я собирался сунуть руку в костёр из любопытства. Хотя после тренировки с Виктором пример был не самый удачный.

Некоторое время слышались только море, шорох сапог по песку и редкий звон металла под плащами.

— Сейчас бы бабу, — пробормотал Даргин. — Какую-нибудь драгонитку...

— Даргин.

— Я понял, Сиг.

Пляж постепенно сужался, пока море почти не прижало нас к отвесной скале. Над головой нависала стена. Отсюда форт казался ещё выше — будто его не построили на утёсе, а вырубили прямо из него. Мы остановились. Я посмотрел на гладкий камень перед собой и решил, что либо мы ошиблись местом, либо герцог очень своеобразно понимал слово «проход».

Потом скала тихо задрожала.

Из неё выступил один каменный уступ. За ним второй, третий. Камень двигался медленно, почти беззвучно, выдавливаясь наружу широкими ступенями. Через несколько мгновений перед нами тянулась кривая лестница к основанию морской башни. Руки сами потянулись к оружию. Сверху показался человек в тёмном плаще.

— Быстрее, — прошептал он, спускаясь навстречу. — На

башне часовых больше нет. До смены меньше часа, потом там будут мои люди. Но дальше по стене караул ещё ходит.

Отец кивнул в сторону, откуда мы пришли.

— Есть проблема. На пляже наткнулись на патруль. Трое. Тела спрятали в расселине.

Лазутчик нахмурился.

— До рассвета их не хватятся. Сегодня у внешних постов изменён порядок смены. Надеюсь, пушки заговорят раньше.

— Уверен?

— Настолько, насколько здесь вообще можно быть в чём-то уверенным.

Отец посмотрел на тёмную стену над нами. Лазутчик говорил быстро, почти не двигая губами:

— До первого залпа — никакого огня, никаких вспышек и криков. Если тревогу поднимут раньше штурма, к кораблям не идём. Сразу назад.

— Принято. Веди.

Каменные уступы довели нас почти до самой башни, но последние несколько саженей стена снова становилась гладкой. От зубцов свисала верёвочная лестница.

— По одному, — сказал лазутчик и полез наверх.

Даргин посмотрел на лестницу.

— Если эта хуйня порвётся подо мной, я вернусь и убью тебя.

За лазутчиком поднялся отец. Потом Виктор, Хлоя, Алан, Даргин. Я пошёл последним. Перекладины отсырели от мор-

ского воздуха и скользили под ладонями. Ветер раскачивал лестницу; ножны я придерживал коленом, чтобы не стукнуть ими о стену. Снизу грохотали волны.

Я старался смотреть только вверх. Почти получилось. Где-то на середине всё-таки глянул вниз и сразу пожалел. До воды было достаточно далеко, чтобы успеть понять, какую глупость совершил, прежде чем разбиться.

Я вцепился в верёвку крепче. Когда перевалился через край башни, ладони саднило, словно я опять передержал огонь.

— Сюда, — шепнул лазутчик.

За зубцами открывался целый маленький город: каменные дома, тесные улицы, казармы, склады, конюшни. Ниже темнела гавань, над ней качались мачты. По стенам двигались огни; с противоположной стороны доносились команды и бряцание оружия. Гарнизон готовился встречать штурм. А мы уже стояли у него за спиной.

Впереди по стене шли двое стражников. Оба без шлемов. Один жевал тёмные сушёные листья и время от времени сплёвывал под ноги. Второй держал копье и что-то доказывал ему вполголоса. Нас они ещё не видели.

Лазутчик поднял два пальца. Даргин скользнул вдоль стены, Алан двинулся за ним. Мы с отцом пошли следом.

Даргин закрыл первому рот ладонью и коротко ударил кинжалом. Мужчина обмяк; Даргин опустил его на камень, не дав кольчуге загреметь. Второй успел развернуться. Алан

отвёл наконечник копья в сторону и полоснул когтями по горлу. Стражник разжал пальцы.

Я шагнул вперёд и подхватил падающее древко. Наконечник замер над самым камнем.

Даргин подхватил тело, коротко кивнул мне и указал на дверь в стене. Я осторожно прислонил копье к зубцу.

За дверью оказалась небольшая кладовая. Мы затащили обоих стражников внутрь, уложили за ящиками и прикрыли мешковиной.

— Идём, — тихо сказал отец.

Лазутчик повёл нас вниз по узкой лестнице, затем через двор и под низкой каменной аркой. У поворотов он поднимал руку, и мы замирали. Пару раз пришлось прятаться в дверных нишах, пока мимо проходили солдаты.

Ближе к гавани запах пороха сменился смолой, мокрым деревом и рыбой. У воды гнили водоросли. Под сапогами вместо утоптанной земли всё чаще попадался скользкий камень; за крышами поскрипывали корабельные снасти.

Лазутчик остановился возле длинного склада и отпер неприметную дверь. Внутри было тесно и темно. Вдоль стен лежали бухты канатов, свёрнутые паруса, деревянные блоки и корзины с такелажной мелочью. В дальнем углу стояли бочки со смолой. Между балками висела старая паутина. Воздух так пропитался дёгтем, что через несколько вдохов запершило в горле.

— Ждём здесь. Пока не заговорят пушки.

Даргин кивнул на бочки.

— Только не перди.

— Надеюсь, это ты себе, — отозвался Виктор.

— Я всем.

Отец посмотрел на Даргина. Тот поднял ладонь и больше ничего не добавил.

Мы устроились между бочками и свёрнутой парусиной. Снаружи ругались грузчики. По камню проходили патрули, где-то заржал конь. Потом кто-то протащил по улице тяжёлую тележку; железное колесо долго дребезжало по неровной мостовой. Всякий раз, когда звук приближался, я смотрел на дверь.

Я всё вспоминал сапог в расселине. До рассвета троих не хватятся. А если уже хватились? Может, снаружи потому и не спешат, что собирают людей у выходов.

Дверь приоткрылась.

Все поднялись одновременно. Отец уже держал меч. У Даргина в руке появился кинжал. Я выставил левую ладонь вперёд, вспомнил про бочки и опустил её. В щель проник жёлтый свет фонаря.

— Гораций? Это вы? — раздался мужской голос.

Лазутчик жестом велел нам не двигаться. Гораций. Теперь я хотя бы знал, как его здесь называли. Он вышел к двери и вдруг изменился: плечи опустились, голос стал нервным и чуть дрожащим.

— Я здесь. Решил спрятаться поближе к складам. Боюсь,

сегодня всё может пойти не по плану.

Патрульный тихо усмехнулся.

— Не переживайте. Для королевского войска приготовлен сюрприз.

— Какой ещё сюрприз? — спросил Гораций.

— Сами всё увидите.

— Обнадёжили.

Свет фонаря пополз дальше. Шаги растворились за стеной. Гораций закрыл дверь.

— Ты знаешь, о чём он? — спросил отец.

— Нет. На совет к коменданту меня не зовут.

Отец помолчал, глядя на дверь.

— Хлоя, камень держи под рукой. Если скажу уходить — второй раз не повторяю.

Она кивнула и коснулась камня на поясе.

Пушки молчали. Я успел дважды проверить ремень ножен и поправить перчатку. Гораций стоял у щели между досками и смотрел на улицу. Даргин устроился возле двери с кинжалом на коленях. Алан не двигался вообще.

Хлоя села рядом. В полутьме её лицо казалось бледнее обычного.

— Нервничаешь, Эд? — едва слышно спросила она.

— Ни капельки.

Она посмотрела на мою руку. Пальцы сжимали рукоять так сильно, что костяшки побелели.

— Это я просто... проверяю хват.

Хлоя потянулась к моей руке. Я решил, что она проверит перчатку, но она только разжала пальцы, вцепившиеся в рукоять.

— Услышишь приказ, если Сигил скажет тихо?

Я прислушался. До этого сквозь шум в ушах почти не различал шагов.

— Теперь услышу.

Она села обратно. Я опустил руку на колено. У щели под дверью посерело, потом свет заслонила чья-то тень.

— Смена, — прошептал Гораций.

Снаружи слышались мерные шаги. Я посмотрел на отца. Он поднял ладонь, удерживая нас на местах.

Где-то за стенами грохнула пушка. Склад вздрогнул, с потолочной балки посыпалась пыль. Шаги снаружи остановились.

Через несколько мгновений ударило второе орудие. Потом третье. А затем заговорила вся королевская батарея. Грохот слился в тяжёлый непрерывный раскат. Казалось, сама земля под фортом начала ворочаться. Вслед за пушками ударили колокола.

По улице побежали люди. Кто-то орал, чтобы резерв гнали на восточную стену. Где-то далеко ответила пушка мятежников, затем ещё одна. Отец поднялся.

— За дело.

Гораций уже стоял у двери.

— За мной.

Мы вышли в портовый квартал. Склады и мастерские теснились друг к другу; под навесами громоздились ящики, у стен висели сети и бухты каната. Между домами бежали солдаты — почти все от гавани, туда, где гремели королевские орудия. Один офицер пытался собрать возле перекрёстка человек пятнадцать, перекрывая голосом колокола. По крыше соседнего склада ударило что-то тяжёлое; посыпалась черепица.

Никто не смотрел на нас достаточно долго. В плащах, среди дыма и бегущих людей, мы на несколько мгновений стали просто ещё одной группой солдат, которой куда-то срочно нужно. Гораций провёл нас через два переулка и остановился за штабелем пустых ящиков.

— Вон там.

У выхода на главный пирс стояли десять человек. Слева от них темнел проход к караульне. Даже после начала атаки оставшиеся здесь солдаты казались слишком спокойными. Несколько смотрели в сторону стен, но никто не торопился им на помощь. Один опирался на копье. Другой что-то сказал товарищу и рассмеялся.

Я вспомнил патрульного у склада. Сюрприз.

Гораций отступил от ящиков.

— Дальше сами. Меня с вами видеть нельзя.

Отец кивнул. Лазутчик исчез в переулке, по которому мы пришли. Сигил ещё раз осмотрел пирс.

— Даргин — двое слева. Алан — у бочек. Виктор, центр.

Я возьму правых. Эд, держись позади. Смотри, чтобы никто не обошёл. И прикрывай Хлою.

— Я помню.

Он всё равно посмотрел на меня ещё раз.

— Если получится — тихо. Когда загорятся корабли, скрываться уже будет поздно.

Отец поднял руку. Я почувствовал, как сердце бьётся где-то у горла.

— Вперёд.

Мы выскочили из-за ящиков почти одновременно. Первый стражник успел только распахнуть глаза. Даргин врезался в него плечом и швырнул на второго. Оба рухнули, запутавшись друг в друге. Алан проскользнул сбоку, низко пригнувшись, отвёл наконечник копья когтями и оказался рядом с его хозяином. Отец встретил меч одного из солдат своим клинком. Звон металла утонул в очередном артиллерийском залпе.

Виктор выбросил руку. Воздух перед ним сжался, а затем ударил в ноги сразу двум противникам. Один рухнул на колени, второй врезался плечом в товарища. Алан уже был возле них.

Я держался рядом с Хлоей. Даргин прижал двоих к бочкам, отец не давал правым отойти к караульне. Мне казалось, что делать здесь больше нечего.

Потом один из мятежников выскочил из-за спины товарища и рванул в проход к караульне. Ещё несколько шагов

— и успеет позвать остальных.

Я оказался ближе всех. Оглянулся: Хлоя стояла за ящиками. Мне казалось, я успею вернуться прежде, чем она заметит.

— Эд! — крикнула она.

Я уже двигался. Мятежник услышал шаги и резко развернулся. На нём были нагрудник и наплечники, на голове — открытый шлем. Он поднял меч раньше меня. Я успел вспомнить слова отца: не геройствовать.

Поздновато.

Мужчина замахнулся сверху. Я шагнул ему навстречу. Левая ладонь вылетела вперёд, мана отозвалась теплом. Я не пытался собрать большое пламя: короткая вспышка ударила прямо в лицо. Противник дёрнулся, зажмурился и отвернулся, скинув руку с мечом ещё выше.

Между нагрудником и наплечником открылось тёмное место. Я увидел его так ясно, будто Френсис весь день только и делал, что показывал мне эту щель. Клинок вошёл под мышку. Сначала тяжело — через ткань и поддоспешник. Потом легче. Я навалился на рукоять всем весом. Мужчина захрипел. Его меч звякнул о камень.

На секунду мы оказались почти вплотную. Я чувствовал запах пота, кожи и подпалённых волос. Он смотрел на меня широко раскрытыми глазами и пытался вдохнуть. Я выдернул клинок. Мятежник осел на колени, потом завалился набок.

Я стоял над ним, всё ещё прижимая большим пальцем гарду. Он только что замахивался на меня, а теперь скрёб подошвой по камню, не в силах повернуться. Я отступил. Рука не сразу послушалась, когда я попытался опустить меч.

— Эд!

Хлоя стояла у края ящиков. За ней темнел второй проход, которого я до сих пор не заметил. Оттуда никто не вышел. Мне просто повезло.

— Я здесь, — сказал я, возвращаясь.

— Вижу. Встань слева.

Схватка уже заканчивалась. Последний из стражи сделал несколько шатких шагов, прислонился спиной к каменной тумбе и медленно сполз вниз. Возле Даргина лежали двое. Алан вытирал когти о плащ мертвеца. Виктор тяжело дышал, но улыбался Даргину. Тот ухмылялся в ответ.

Отец быстро оглядел пирс. Задержал взгляд на человеке у входа в переулок, потом посмотрел на меня. Я ждал окрика.

— Цел?

Я кивнул.

— Тогда вон тот корабль — твой. Начинай с него.

Он указал мечом на ближайшие сходни и пошёл дальше по причалу.

Корабль покачивался у свай. За ним стояли ещё несколько; мачты теснились над гаванью, снасти дрожали на ветру. На палубах лежали свёрнутые паруса, возле сходней — бочки и мотки просмоленного каната. Я выбрал моток, лежав-

ший ближе к доскам, и поднял левую ладонь.

Кожу под перчаткой ещё пощипывало, но пальцы слушались. Руна едва заметно засветилась. Я шагнул к сходням, уже представляя, как огонь побежит по канату.

И почувствовал сильный порыв воздуха.

Над крышами раздался тяжёлый хлопок. Потом ещё один. Я замер. На пушечный выстрел это не походило.

Удар крыльев.

На камни легла огромная тень. Все подняли головы.

Над фортом летел дракон.

Он шёл так низко, что брюхо почти задевало верхушки мачт. В тусклом утреннем свете чешуя казалась чёрной; только на изгибах шеи и крыльев вспыхивал металлический блеск. Каждое движение крыльев прокатывало по гавани волну воздуха. Хлопала парусина, скрипели снасти. С крыш летела пыль. Пустой ящик перевернуло и протащило по камню.

Я невольно пригнулся. Дракон сделал широкий круг над гаванью; на мгновение под ним оказался корабль, который я собирался поджечь. До этого я смотрел на корабельные мачты снизу вверх. Теперь они терялись под размахом крыльев.

Чудовище опустилось на противоположной стороне пирса. Лапы тяжело ударили по камню, крылья начали складываться. По причалу прошла дрожь; вода у свай покрылась мелкой рябью. Я разглядел роговые пластины на голове, кончики зубов между закрытыми челюстями. Глаза были почти

чёрными. С такого расстояния я не различал зрачков.

Но сильнее меня испугало другое.

Никто из мятежников не стрелял.

На стене солдаты пригибались от ветра. Кто-то освободил место у края гавани. Несколько человек смотрели вниз с таким спокойствием, словно видели дракона уже не впервые. Ни один арбалет не поднялся.

— Они его ждали, — сказал Виктор.

Вот о каком сюрпризе говорил патрульный.

Даргин перестал улыбаться. Он долго смотрел на дракона, будто пытался вспомнить что-то, чего вспоминать совсем не хотелось.

— Если это тот, о ком я думаю... — произнёс он наконец.

— Нам пиздец.

На спине дракона выпрямился человек. До этого я принимал его за часть седла или тёмный выступ между пластинами чешуи. Высокий, широкоплечий; ветер рвал в сторону его накидку. В одной руке всадник держал полэкс.

Несколько мгновений он смотрел в нашу сторону. Затем шагнул вниз — так буднично, словно спускался с телеги. Он падал с высоты, с которой обычный человек переломал бы себе обе ноги. Я успел подумать, что он сумасшедший.

Камень под его сапогами вздрогнул, и по причалу хлынула серая пыль. Она не оседала: текла между бочками и ящиками, цеплялась за сваи, поднималась до колен, потом выше.

Я почувствовал в ней чужую ману. Непохожую на огонь,

ветер или землю. От неё неприятно стянуло кожу на руках. Фигура исчезла в серой завесе; длинное древко ещё мгновение торчало над пылью, затем пропало и оно.

Даргин перехватил топор обеими руками.

— Сиг...

Отец уже отступал от сходней к нам. Лицо у него побелело.

Внутри серой завесы проступил силуэт. Пыль расходилась перед ним сама.

— Роберт, — произнёс отец. — Убийца Драконов.

ГЛАВА 3

Глава 3 Убийца Драконов

Дракон улетел, едва всадник спрыгнул на пирс. Силуэт вышел из пыли. На потёртой кирасе темнела гравировка: раскрытая драконья пасть, полэкс, пробивший голову от тмени до нижней челюсти. Поперёк рисунка тянулись глубокие царапины. Из-под чёрного капюшона смотрело изрезанное шрамами лицо.

Отец шагнул вперёд, заслоняя меня.

— Хлоя! Камень! Живо! Уходим!

Она сорвала камень переноса с пояса. Голубые прожилки вспыхнули между её пальцами и сразу погасли. Хлоя стиснула его обеими руками.

— Не работает!

Роберт остановился. На стыках его лат чернела кольчуга, из-под наплечника торчал обгоревший край накидки. Я успел заметить несколько тёмных прядей, прилипших ко лбу. Потом он опустил забрало бацинета.

Щёлкнул металл.

— Ещё раз! — приказал Сигил.

Виктор выбросил ладонь. Воздух ударил во все стороны, рванул полы плащей, отогнал серую пелену. Под ногами открылась брусчатка — мокрая, в тёмных потёках. Снова стало видно Хлою целиком. На камне между её пальцами зажглась

тонкая голубая сетка; отдельные линии поползли навстречу друг другу.

— Ближе ко мне! Всем в круг!

Я отступил к ней. Алан оказался у моего плеча, прижав уши к голове. Его хвост застыл, едва касаясь камней. Мы смотрели на маленький огонёк в руках Хлои, пока серая струя не протянулась к сапогам арконита.

Виктор сжал пальцы. Пыль закрутилась вдоль края расчищенного круга, но уже просачивалась между нами. Голубые линии оборвались.

— В ней мана, — сказал Виктор. — Я оттесняю её, а она собирается обратно.

— Что нужно делать? — спросил отец.

— Долго удерживать такое заклинание он не сможет, придётся драться.

Виктор поднял вторую руку. По брусчатке прошёл новый порыв, швырнул серую пелену к бочкам. Роберт шёл сквозь неё, не меняя шага. Пыль обтекала его голени и снова тянулась к нам.

Отец выставил меч.

— Значит будем биться.

Даргин шагнул навстречу Роберту, заслонив его от меня широкой спиной; ладони легли на древко топора так крепко, что побелели костяшки.

— Ну давай, пиздюк. Проверим, правду ли о тебе говорят. Роберт побежал.

Пластины лязгнули, тяжёлые сапоги загрохотали по брусчатке. Я ещё видел над плечом Даргина поднимающийся топор, когда крюк полэкса зацепил древко почти у самой головы. Роберт дёрнул его в сторону и шагнул вплотную. Даргин попытался вернуть оружие, но копейное остриё уже нашло щель между пластинами у бока.

Из груди южанина вырвался короткий выдох. Роберт выдернул полэкс; кровь плеснула на камень. Даргин опустился на колено, опёрся на топор и начал заваливаться вместе с ним.

— Дарг!

Отец бросился вперёд. Виктор развернулся и ударил воздухом в Роберта. Пелена тут же сомкнулась за спиной мага; Хлоины руки снова потемнели.

— Алан, Эд! Вытаскивайте! — крикнул Сигил, принимая полэкс на меч.

Я сунул клинок в ножны и ухватил Даргина под плечо. Алан вцепился в ремень кирасы. Мы дёрнули разом, но едва сдвинули его: железо скребло по брусчатке, тяжёлые сапоги цеплялись за неровные края камней. Даргин пытался втянуть воздух при каждом рывке.

— Пыль не вдыхать! — донёсся голос Виктора. — Хлоя, барьер!

Хлоя подняла свободную руку. По лицу скользнул прохладный зеленоватый свет, тонкой плёнкой лёг на кожу. Я вдохнул. Горло пересохло, но пыль больше не скрипела на

зубах. Она всё сильнее затягивала утренний свет, и камень в другой руке Хлои не светился.

— Ко мне. Ещё немного.

Мы протащили Даргина мимо неё и опустили на расстелившийся плащ. Кровь уже пропитала ткань под кирасой, когда я вынул руку из-под плеча, ладонь оказалась мокрой до запястья. Хлоя встала на колени, положила камень на складку плаща и прижала пальцы к ране. Зелёное свечение ушло под искривлённый край брони. Кровь перестала идти толчками.

Даргин потянулся к боку.

— Лежи.

— Я проверить...

— Даргин. Руку убери.

— Да понял я, блядь.

Он послушался сразу. Я ни разу не видел, чтобы это происходило так быстро.

Мы с Аланом встали по обе стороны от неё. Я вытащил меч, потом скользнул свободной ладонью по штанине. Кровь размазалась, оставив пальцы липкими.

За серой пеленой грохотали пушки. Ближайшая мачта исчезла; временами из мглы выступал кусок снасти и снова пропадал. До Хлои было два шага. Чуть дальше стояли отец и Виктор. Всё, что находилось за ними, теперь скрывалось в пыли вместе с Робертом.

Отец отступил к нам, встречая следующий шаг Роберта

рубящим ударом. Полэкс поднялся поперёк корпуса. Сталь зазвенела; почти одновременно в бок Убийцы Драконов врезался сгусток воздуха.

Роберта сдвинуло на полшага. Из-под его сапога брызнула вода. Сигил уже атаковал снова.

Я едва успевал следить за ними. Отец заставлял Роберта поднять оружие — и Виктор бил под открытую руку. Сигил смещался ещё до того, как воздух толкал противника, встречал его новым ударом. Я ждал знакомого окрика, предупреждения, хотя бы взгляда, но каждый раз меч и заклинание сходились там, где нужно.

Сталь звякнула. Коротко хлопнул воздух. Роберт отступил ещё раз.

Я знал, что отец и Виктор умеют драться вместе. Только раньше мне доставалось смотреть на это уже после боя: на зарубки, перевязки и тех, кто остался лежать. Сейчас я впервые видел, как Виктор идеальная подхватывает движение отца образуя единый ритм.

Полэкс с визгом скользнул по мечу Сигила. Воздушный удар врезался Роберту в плечо, вдавил пластину; отец тут же вошёл ближе и рубанул с другой стороны. Алан рядом со мной перестал скалить зубы. Я разжал свободную руку и понял, что всё это время вдавливал ногти в ладонь. Роберт снова поднял полэкс под удар, но отвечать не стал. Его шлем повернулся к Виктору. Когда маг выбросил ладонь, Убийца Драконов уже шагнул в сторону. Поток пронёсся мимо, под-

няв край алого плаща.

Сигил атаковал снова. Виктор поднял руку — Роберт повернул корпус ещё до заклинания.

— Он читает его, — прошептал я.

Отец усилил давление. Звон почти не прерывался; Сигил наступал вплотную, не давая Роберту развернуть длинное древко. Полэкс встал между ними наискось, его крюк проскрёб по отцовскому наплечнику. Роберт отступил ещё на шаг — и сам отбросил оружие.

Древко стукнулось о брусчатку. Пыль поглотила его раньше, чем оно перестало качаться.

Руки Роберта опустились к поясу. Из ножен вышли два меча. Правый был длиннее и шире, с тяжёлым навершием; левый — узкий, заметно короче. Сигил ударил, пока второй клинок ещё выходил из ножен. Длинный меч встретил его оружие. Короткий остался свободным.

Отец едва успел убрать кисть.

Роберт пошёл вперёд. Тяжёлым клинком он принимал удары, сдвигал меч Сигила, заставлял его переставлять ноги. Левый мелькал у самой защиты: к горлу, под наплечник, снова к кисти. Отец держался, но теперь ему приходилось отступать.

Виктор ударил воздухом. Роберт ушёл в сторону так, что за ним оказался Сигил. Маг резко сжал пальцы; поток оборвался, не долетев до отцовской спины. В тот же миг тяжёлый меч обрушился на защиту Сигила.

Виктор попробовал обойти их. Роберт повернулся следом, опять оставляя отца между собой и поднятой ладонью. Я смотрел, как маг ищет место для удара и не может найти. Ещё недавно они с Сигилом теснили противника вместе. Теперь отец закрывал его от заклинаний собственным телом.

Сигил отскочил, вогнал кончик меча в щель между камнями. Ладонь легла на навершие. По стали пробежал красный свет, и за Виктором вспыхнула дуга огня, отрезая путь в обход.

Жар ударил в лицо. Я заслонился ладонью и увидел, как серая пелена осела в пламя, вспыхнула мелкими белыми искрами и исчезла. Ветер гнал её перед собой, а после огня оставался чистый воздух.

Сигил уже выдёргивал меч. Роберт шагнул к нему, и отцу пришлось отбивать новый удар. Дуга ещё горела, но между ней и нами по брусчатке тянулись серые струи. На камне Хлои мелькнула голубая линия и погасла.

Роберт на мгновение повернул шлем к пламени. Потом стал теснить отца вправо, к краю пирса. Виктор двинулся следом, стараясь зайти сбоку. В просвете у его сапог показалось тёмное древко.

Полэкс. Он всё ещё лежал там.

Сигил связал тяжёлый меч Роберта. Короткий скользнул вдоль стали и вынудил отца отвернуть корпус. Виктор поднял ладонь.

Роберт отпустил левый меч. Почти одновременно сапог

поддел древко полэкса, и оружие качнулось вверх, в освободившуюся руку. Между ним и Виктором оставалось совсем немного места. Маг попытался отступить, но остриё уже метнулось ему в бок.

— Виктор!

Он рухнул на брусчатку, зажимая рану. Роберт выдернул полэкс и бросил его. Отец ударил так, что звон отдался у меня в зубах; под этим ударом Убийца Драконов отступил к оставленному мечу и подхватил его.

Я уже бежал к Виктору.

— Алан, прикрой! — крикнула Хлоя. — Эд, под плечи!

Я убрал меч, сунул руки под мышки мага и потянул. Его ладонь соскользнула с раны, по моему рукаву потекло тёплое. Я упёрся пятками, дёрнул сильнее. Рядом скрежетнула сталь, и я невольно повернул голову.

Он смотрел прямо мне в лицо. Я заставил себя кивнуть и попятился. Алан двигался рядом, не сводя глаз с Роберта; один раз оттолкнул меня плечом, отводя в сторону от звякнувшего по камню лезвия. Я споткнулся о край Даргинова плаща и чуть не уронил Виктора.

— Здесь, — сказала Хлоя. — На бок. Осторожно.

Её пальцы легли магу на грудь. Зелёный свет на ране Даргина сразу потускнел. Хлоя стиснула зубы, отвела другую руку к южанину; свечение выровнялось. На лбу у неё блестела испарина, к виску прилипла прядь.

Я кивнул и поднялся. Вытирать руки было некогда. Когда

я обхватил рукоять, ладонь скользнула по коже.

Отец теснил Роберта. Он больше не оставлял между уда-рами тех коротких промежутков, в которые успевал Виктор. Теперь Сигил подавался всем телом, рубил снова, прежде чем ноги как следует встанут, и всё дальше уходил от нас.

Один удар задел наплечник Роберта, срезав полосу по-черневшей ткани. Следующий оставил светлую борозду на кирасе. Из-под пластины у плеча потянулась кровь. Я впервые слышал дыхание Убийцы Драконов — тяжёлое, с шорохом под забралом. Он тоже уставал. Только мечи продолжали двигаться так же точно.

— Отец, назад!

Сигил, кажется, не услышал. Роберт чуть отвёл локоть, открыл левый бок. Отец увидел брешь и ударил. Тяжёлый меч удержал его клинок, а лёгкий метнулся снизу, в сочленение у бедра.

Сигил дёрнулся. Роберт высвободил тяжёлый меч и ударил наверху в бацинет. Глухо звякнул металл; отец опустился на одно колено.

— Папа!

Алан сорвался с места раньше меня.

— Эд! Хлоя на тебе!

Он пронёсся мимо отца. Роберт не успел полностью уйти: когти прошли по нагруднику, оставив три светлые полосы. Убийца Драконов развернулся к аркониту, а Сигил пополз назад. Поднял забрало, и я увидел кровь на его лице. Раненая

нога волочилась по камням. Меч он не выпустил.

Хлоя указала на него. Я ухватил отца за ремень, помог отодвинуться к остальным. Он оказался тяжёлым, цеплялся коленом за собственный плащ. Я никогда не помогал ему ползти. Всё ждал, что сейчас он оттолкнёт мою руку и встанет сам.

Сигил попытался заговорить, но только закашлялся.

Алан прыгнул снова. Тяжёлый меч пошёл ему к шее. Арконит резко дёрнулся в сторону; лезвие задело ухо. По белой шерсти брызнула кровь. Он потерял равновесие, Роберт подсёк его ногой, и короткий клинок вошёл в бок уже падающего Алана.

Я шагнул вперёд с мечом наготове. Роберт выпрямился; его остриё остановилось перед моим лицом. Я увидел тонкую щербину на кромке и застыл.

За спиной Хлоя вытянула руку. Зелёный свет лёг на рану Алана.

— Ко мне. Ползи. Ещё немного.

Арконит вцепился когтями в щель между камнями, подтянулся. Потом ещё раз. Я слышал, как когти скребут по брусчатке, но не смел опустить глаза. Его сапог задел мой, и только тогда я отступил вместе с ним. Даргин ухватил Алана за край плаща, втянул к себе и тут же согнулся, прижав ладонь к боку.

Хлоя оказалась посреди раненых. Камень лежал на её коленях. Свечение переходило с одной раны на другую; на

пальцах дрожали зелёные блики. Она ещё не успела затянуть ни одного ранения, а теперь из-под её ладони тянулась кровь отца.

Передо мной остался Роберт.

Я пытался унять дрожь в руках. Ещё недавно можно было стоять за спиной отца и ждать, когда он обернётся, заметит, что я всё сделал правильно. Теперь я слышал его дыхание позади себя и боялся оглянуться.

На броне Роберта темнела кровь. Разорванная накидка сползла с одного плеча, в просвете между пластинами блеснули кольца кольчуги. Я смотрел на них, на горло под шлемом, на кисти в латных перчатках — искал хоть что-нибудь, куда успел бы ударить. Роберт держал оба меча спокойно. Казалось, пока я выберу щель, он уже окажется рядом.

Я поднял меч правой рукой, левой вытащил кинжал. Не победить.

Он сделал шаг. Я вспомнил огненную дугу отца, убрал кинжал в ножны и выбросил левую ладонь. Хотел оттеснить его и выжечь пыль перед Хлоей, но слишком сильно толкнул ману.

После серого полумрака вспышка ударила по глазам. Я зажмурился на долю секунды.

Роберт оказался рядом. Он прошёл вдоль самого края пламени, скрытый его блеском. Тяжёлый меч отвёл мой клинок наружу. Короткий звякнул о брусчатку, и латные пальцы сомкнулись на моём горле.

Ноги оторвались от земли. Левой рукой я вцепился в его запястье. Металл был шершавым от пыли, пальцы скользили по сгибам пластин. Правую руку Роберт продолжал оттеснять своим клинком; я чувствовал, как плечо выворачивается вслед за мечом. Попытался вдохнуть. Из горла вышел только хрип.

Забрало повернулось к зелёному свету за моей спиной.

— Знаешь, какую я допустил ошибку?

Я ударил сапогом по его голени. Удар глухо отдался в подошву; Роберт даже не качнулся.

— Сначала убивают целителя.

Он отшвырнул меня. Я упал рядом с Хлоей, боком ударился о камни. Под поясом хрустнуло стекло; холодная влага растеклась по рубахе. Сумка с её подарком оказалась прижата ко мне. Я знал этот звон, но теперь вместо трёх флаконов под рукой хрустели осколки.

Сквозь слёзы я увидел, как Роберт подбирает короткий меч и идёт к ней.

— Нет!

Я поднялся раньше, чем смог набрать воздуха. Тяжёлый клинок уже шёл к её плечу. Я втиснул между ними свой меч; удар пришёлся почти в гарду. В правой кисти что-то хрустнуло. Боль отдала в локоть, пальцы едва не разжались, но я удержал оружие.

Левой рукой выдернул кинжал и ткнул в щель у шеи Роберта. Он отклонился. Лезвие прошло рядом с кольчугой,

его локоть ударил меня в предплечье. Я отшатнулся, кое-как вернул кинжал в ножны и поднял ладонь.

Под копотью проступала руна Виктора. Я видел, как красноватые борозды темнеют, когда поток расплзается к запястью.

Собрать. Не давить.

Я свёл большой и безымянный пальцы, щёлкнул. Огонь пошёл шире и ниже, вдоль камней. Роберт отступил, обходя пламя. В этот раз я следил за пылью: серые струи вспыхивали, и за ними открывалась брусчатка.

Я повёл ладонь в сторону. Пыль исчезла возле сапог мага; голубые линии на камне дрогнули, поползли навстречу друг другу. Хлоя подхватила его с колен.

В левой ладони кольнуло. Я ослабил поток, и серая струя тут же скользнула мимо моего сапога, накрыла камни у Даргина. Прожилки погасли.

Я снова дал огонь. Правая кисть ныла так, что рукоять казалась чужой; приходилось смотреть на пальцы, чтобы убедиться, что они ещё держат меч.

Роберт прикрылся тяжёлым клинком, убрал короткий в ножны. Освободившаяся рука потянулась к небольшой рукояти с синим камнем. Я понял, куда он целится, когда кинжал уже сорвался с пальцев.

— Хлоя!

Я дёрнул поток ему навстречу. Синий камень вспыхнул холодным светом; по лезвию прошла влажная дымка. Пламя

зашипело и разошлось вокруг летящего клинка.

Вода.

Кинжал вошёл Хлое в плечо. Она вскрикнула, качнулась, едва не уронив камень, но успела прижать его к груди. Зелёный свет над ранеными дрогнул. Даргин шумно втянул воздух.

— Держись!

Я выбросил ещё один поток, заставляя Роберта сместиться. Короткий меч снова вышел из ножен. В левой руке горячо пульсировало; правой я поднял оружие повыше и заставил пальцы сжаться.

Роберт ударил. Кисть прострелила болью. Пальцы разжались сами, меч упал к ногам Хлои.

Отец приподнялся, пытаясь прикрыть её своим клинком. Раненая нога подломилась; он удержался на локте, но Роберт уже прошёл мимо меня.

Тяжёлый меч вошёл Хлое в бок, ниже рёбер.

Она судорожно вдохнула. Камень стукнулся о брусчатку, её ладонь легла поверх него. Второй клинок Роберта повернулся ко мне. Я смотрел на кровь: она стекала по стали и падала рядом с Хлоиным коленом, в тот же шов между камнями, куда уже натекло от Даргина.

Огонь сорвался с моей левой руки. Роберт заслонился и отступил, выдернув меч. Я повёл пламя дальше, вдоль лежавших, выжигая пыль у их ног. Перед глазами плавали красные пятна; приходилось различать лица между вспыш-

ками, чтобы не задеть своих.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.